

# у Катерины Измайловой разыгралось воображение

Минусинский театр привез на «Золотую маску»  
свою версию Лескова

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Минусинский драмтеатр на «Золотой маске» не новичок. За последнюю пятилетку он приезжал в Москву дважды: один раз с чеховской «Чайкой», другой — с инсценировкой романа Мариенгофа «Циники». На нынешнюю «Маску» худрук Минусинской драмы Алексей Песегов привез изящно выполненную инсценировку лесковской «Леди Макбет Мценского уезда», переименованную режиссером в «Наваждение Катерины».

Три года назад Минусинск получил за своих «Циников» фестивальную спецприз. И дело, по всей видимости, было не в одних лишь художественных достоинствах постановки. Столицу восхитил сам факт, что в крохотном, затерянном у подножия Саян городке с населением в 70 тысяч читают и ставят Мариенгофа.

Уважать Песегова и впрямь есть за что. Хотя ни тогдашние «Циники», ни теперешнее «Наваждение Катерины» не назовешь сценическими шедеврами, но в песеговских спектаклях всегда чувствуется прозрачность режиссерских намерений и то драгоценное свойство, которое принято именовать высокой постановочной культурой. Историю о ласковой злодейке, загубившей на пару с любовником несколько человеческих жизней, режиссер осторожно перевел в сослагательное наклонение. Пока попы гундосили, сочетая законным браком рабу Божию Катерину и раба Божьего Зиновия, у алтаря словно мелкий бес пробежал. Достаточно одного лишь беглого взгляда в сторону, в полутьму церкви, откуда на мценскую купчиху нагло пялится молодой ухарь, мужник работник Сергей (Алексей Дербунович), — а дальше у впечатлитель-

ной девушки фантазия сама пошла работать. Вот уже и сладкое прелюбодеяние пред глазами пронеслось, и грибочки для тестя, и удачка для мужа, и ссылка, и каторга... Наваждение, одним словом. Чур-чур-чур.

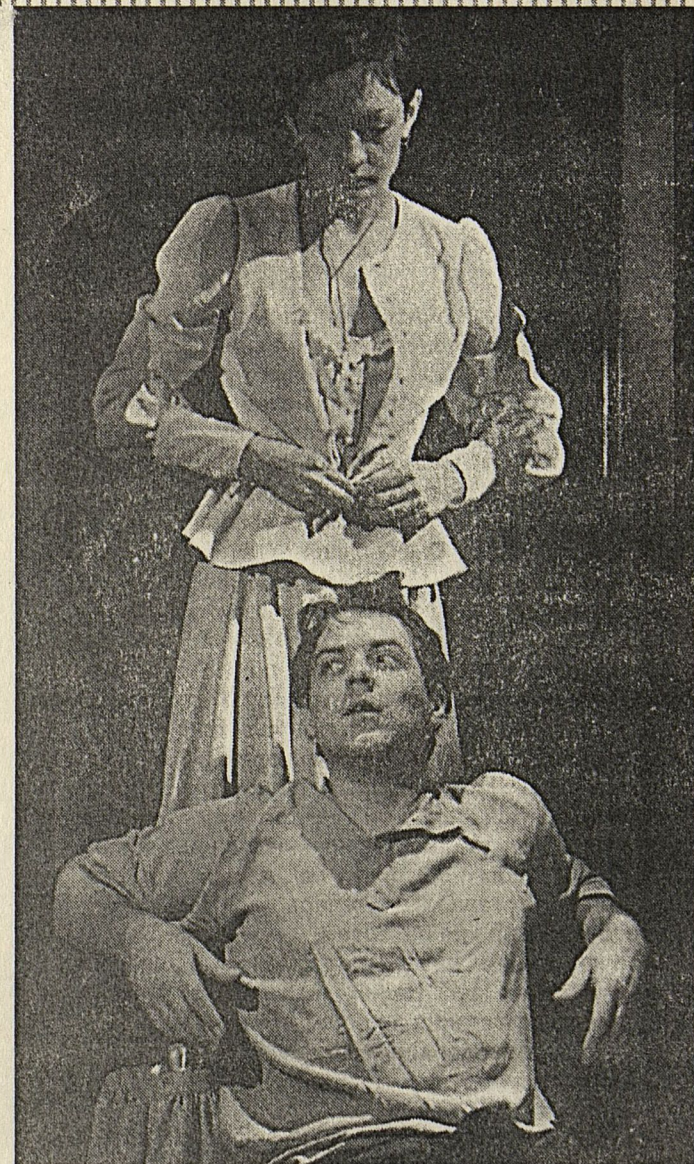
Если это и сон Катеринин (тонкостанная дебютантка Екатерина Соколова играет свою тезку с поволокой в глазах и небрежной лентой в речах), то сон отчетливый, резкий: ясно, аж до линии горизонта, делается различима каждая деталь. Даже посинелые жмурики, то и дело являющиеся Катерине в кошмарах, смотрятся вполне обыденно.

Перед нами возведена двухэтажная машина, огороженная глухим забором. Сладострастное томление Катериной плоти будет совершаться на балконе этого дома в сопровождении музыки Евгения Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь» — томительный и долгий полутанец, в процессе коего в ласковой и нежной девице пробуждается все темное и звериное.

Сцена осенена иконой Богоматери Умиление, впечатанной в самую сердцевину мельничных крыльев. Когда хорошенькую головку Катерины посещает мысль об очередном убийстве, кровавая мельница начинает бешено крутиться, а вместе с ней, будто в парке аттракционов, кувыркается и сама Богоматерь. Метафора, признаться, нехитрая, да Песегов и не думает хитрить. Он ставит спектакль с моралью, устало повторяя: не убий, не прелюбодействуй, не возжелай вола ближнего своего... Мы про эти заповеди, конечно, и без него слышали, но за напоминание спасибо. Глядишь, какая-нибудь Катерина из зала испуганно перекрестится и больше не будет грешить.

В финале, как и следовало предвидеть, Песегов закольцует свой спектакль. Вновь повторится начальная сцена Катинного венчания, вновь зыркнув похотливые кобелиные глаза из темноты, но девушка, взяв себя в руки, повернется к алтарю, к Богоматери. Вволю прелюбодействовав в сердце своем, на деле она так и не изменит супругу. Очень поучительная история.

За роль Катерины Измайловой, которую соблазняет Сергей (Алексей Дербунович), дебютантка Екатерина Соколова выдвинута на «Золотую маску» Фотограф: Екатерина Штукина/Газета



Песегов Алексей  
(худрук Минусинский драмы Театра)

5.04.04

523